

Дарья:— Овъ у васъ все сливочки попивали! (Въ сторону). Видишь, богачки! (Ея). У меня нѣтъ сливокъ; теперь постъ, такъ я не кипятила.

Василиса:— Я такъ и скажу?

Дарья:— Такъ и скажи! Ну, чего ждешь, я тебѣ сказала, что у меня нѣтъ. (Василиса уходитъ. Она продолжаетъ). Экія какія спѣсивыя! вѣдь голь, настоящая голь — а туда же: сливокъ, да сливокъ! ради, что къ тѣмъ попали, гдѣ есть сливки. Пускай же знаютъ, что я не ихъ слуга! Экія какія!..

Явленіе III.

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ (входятъ).

Николай Михалычъ (Дарья):— Здравствуй, Дарья!..

Дарья:— Здравствуйте, батюшка! хорошо ли почивали?..

Николай Михалычъ:— Хорошо — да у васъ что-то жарко наверху. Послушай, пошли мнѣ моего человѣка.

Дарья (Ивану):— Пошли! Что ты стоишь? (Онъ уходитъ).

Николай Михалычъ (брату):— Посмотри-ка, братъ, какъ утро прекрасно, какъ все свѣжо! Ахъ, я люблю ужасно это время — пойдемъ прогуляться въ садъ — пойдемъ!..

Василій Михалычъ:— Изволь, я готовъ. (Уходить. Дарья открываетъ имъ дверь. Дарья). Подай намъ чаю въ садъ, слышишь?

Дарья:— Каковы! — принеси имъ туда чаю. Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждутъ, или сами приходятъ — о-охъ, время пришло, времечко: всякій командуетъ!

Явленіе IV.

Квартира Заруцкаго въ избѣ. — Ребятишки на полатахъ; люлька и баба за пражей въ углу.

Заруцкій (сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ бутылка и два стакана; онъ въ гусарскомъ мундирѣ):— Вотъ, кажется, я нашелъ еще товарища моей молодости. Какъ полезно это общественное воспитаніе: на каждомъ шагѣ жизни мы встречаемъ собратій, раздѣлявшихъ наши занятія, шалости; но точно, милы бывають [они] только пока мы молоды. Какъ старое воспоминаніе, намъ любезенъ старый другъ. (Молчаніе). А Волинъ былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ — ни въ буйствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ первый, и я завидовалъ ему! Но онъ скоро будетъ — я послалъ сказать ему, что старый его пріятель здѣсь — посмотримъ, вспомнить ли онъ меня? (Пьетъ). Славное вино, то-то попотчую. (Беретъ гитару и играетъ, и поетъ; гитара лежала на столѣ).

(Пѣетъ) Если жизнь тебя обманетъ,

Не печалься, не сердись,

Въ день унынія смирись, —

День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ:

Настоящее уныло,

Все мгновенно, все пройдетъ;

Что пройдетъ, то будетъ мило...

или 2-е.

Смертный, мнѣ ты подражай:

Наслаждайся, наслаждайся,

Страстью пылкой утомляйся,

А за чашей отдыхай. (Пьетъ).

Явленіе V.

Въ эту минуту дверь открывается и **Юрій** быстро входитъ въ избу и бросается на шею **Заруцкому**. Молчаніе.

Юрій:— Заруцкій!.. Какъ неожиданно!..

Заруцкій:— Давно, братъ Волинъ, не видались мы съ тобой. Я ожидалъ тебя и зналъ навѣрно, что ты меня не забудь. Каковъ же я пророкъ!

Юрій:— Какъ ты перемѣнился во время разлуки нашей! Однако не постарѣлъ и такой же веселый, удалой.

Заруцкій:— Мое дѣло гусарское; а вѣдь и ты перемѣнился ужасно...

Юрій:— Да я перемѣнился — посмотри, какъ я постарѣлъ. О, если бы ты зналъ всѣ причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнулъ бы.

Заруцкій:— Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше всматриваюсь, ты мраченъ, угрюмъ, печаленъ; ты не тотъ Юрій, съ которымъ мы пировали, бывало, такъ беззаботно, какъ гусары наканунѣ кровопролитнаго сраженія.

Юрій:— Ты правду говоришь, товарищъ! Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостію кидался въ объятія всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало, и щеки покрывались живымъ румянцемъ. — О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: челоуѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить.

Заруцкій:— Полно! полно! я не вѣрю ушамъ своимъ. Ты что-ли — это ты говоришь? Скажи мнѣ, что съ тобою сдѣлалось, объясни мнѣ — я, чортъ возьми, ничего тутъ не могу понять. Изъ удалца сдѣлался такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ! Полно, братецъ, оставь свои глупыя бредни.

Юрій:— Немудрено, что ты меня не поманишь; ты вышелъ двумя годами прежде меня изъ пансіона и не могъ знать, что со мной случилось... Много, много было безъ